

Небольшая великая женщина

Общая газ. - 1998 - 26 марта - 1 апр - с. 9

Время — мера движения.

В общем смысле это понятно каждому: стоит тебе прекратить водить ручкой по бумаге, перестать пилить или строгать и застыть в восхищении перед оратором или проповедником, застопорившим шестерни в твоей голове идеей, не требующей осмысления, — готово, время остановилось. Теперь ты вечен, словно идея вечного двигателя, и столь же бесполезен. Другими словами, ты мерта (хоть и дышишь). Двигаться, впрочем, можно, не сходя с места: думай, к примеру, люби. Все засчитывается.

...Когда же это было? Как будто недавно. Во всяком случае, я помню себя рядом с Галиной Сергеевной Улановой на сцене Большого театра. С фотоаппаратом. Хотелось снять ее без притворства. Без моего притворства. Ибо для Улановой высокое притворство, то есть претворение, и было смыслом жизни. Или смыслом жизни для нее было то, что меряет время? Движение! Впрочем, в нашем случае это одно и то же, потому что оно и было ее искусством. Время стало мерой искусства Улановой.

Балетный театр, как театр вообще, не существует ни до ни после действия. Плоская бумага и плоский экран бессильны запечатлеть трехмерный мир сцены. Но будь даже придумана некая голографическая хитрость, все равно — мимо. Великий актер обладает талантом создавать четвертое измерение. Сидя в зале в момент события, ты его чувствуешь. Уланова владела этим даром.

...Мы стояли на сцене, и Галина Сергеевна рассказывала о позорном эпизоде в русской культуре, что произошел на ее и наших глазах. Прах великого русского певца Федора Шаляпина перед перезахоронением на Новодевичьем кладбище партия и правительство запретили отпеть в зале Большого театра, «за что такие почести эмигранту?».

— Стыдно! — говорила Уланова. — Даже хор не пригласили, обошлись пластинкой.

Плоская, как грампластинка, жизнь окружала ее и нас. Артист, художник, рыцарь движения.

Времена Шаляпина, времена Улановой. Времена Ежова и Сталина, Хрущева и Брежнева — это одни и те же времена. Наше время. Параллельные движения мертвых (пусть они и дышат) правителей и живых людей не пересекаются. «Пока» — пишу я для оптимизма.

Галина Уланова на фоне зала Большого театра. Случайный снимок. Единственный негатив (потерянный и чудом найденный в день ее кончины) на всю засвеченную пленку, но как будто только этого снимка я и ждал. Здесь, кажется, Уланова похожа на наше представление о ней и на себя самое.

Публичный образ, который несет человек — актер в особен-

ности, — не всякий раз совмещается с реальным его отражением, скажем, в зеркале. Возникает некоторое несовпадение красок, какое бывает в скверной печати, и контуры размываются. Возможно, ты подразумеваешь, что изображено, но не видишь глазами. Здесь же все четко. Она действительно такая. Как на монете. (Я бы и выпустил монету с ее изображением.) Строгая, аскетичная, твердо определившая, что ей назначено в жизни и как это назначение осуществить. Точнее — осуществлять, потому что, зная направление движения, она не видела его конца. И в этом была Художником. А непрерывность движения была гарантирована тем, что она Профессионал.

Ее жизнь — вся — была подчинена балету. Даже дома подарки и памятные вещи не раскладывались по полкам, а как бы лежали как попало, чтобы очень потом, когда балет уйдет из ее жизни в воспоминание, заняться приведением предметов в ожидаемый ими порядок. Сочувствую вещам. До них так и не дошла очередь.

На Месте лишь гигантское зеркало, необходимое для работы, диван, необходимый для отдыха, автопортрет Анны Павловой как символ предтечи и фотография Греты Гарбо — актрисы, которая привлекала Уланову своим искусством и образом.

Они с Гарбо хотели познакомиться, видимо, чтобы совместить краски, и однажды приблизились настолько, что смотрели друг другу в глаза, но не обменялись ни единым словом. Толпа восторженных поклонников, окружившая дом, где жила Уланова, не дала окруженной своими поклонниками Гарбо приблизиться к двери. Они увидели друг друга через окно. Две большие актрисы не смогли преодолеть препятствие, которое создали своим искусством, и навсегда остались наедине с собственными представлениями о мимолетном визави.

Охраняя себя от чрезмерного общения, они, наверно, испытывают дефицит теплоты. Всемирная любовь через стекло ее не компенсирует.

Эта фотография Улановой — тоже изображение через стекло. Очень чистое, оптическое, ловко сработанное японцами, которые ее боготворят, но все-таки через стекло. И вот получился образ... Я, бродивший с ней по Большому театру в поисках этого образа, свидетельствую, что за ним живой, обаятельный, тактичный, неприхотливый, как истинный труженик, и уважающий чужую работу человек. Небольшая великая женщина всей своей громадной силой охранявшая свое право на слабость.

Теперь она ушла.

Юрий РОСТ
Фото автора

Те, кто знал Уланову, уверены: она будет всегда

Белла
АХМАДУЛИНА:

Я ее современница и никогда не относил Галину Сергеевну к какому-то прошлому времени. Я была лишь одной из множества, кто мог вблизи любоваться ее изысканной скромностью, и только несколько раз видела ее вблизи. Это были редкие, случайные, мимолетные встречи: за границей или в Коктебеле, где Уланова отдыхала со своей компаньонкой Таней. Как-то она приходила на мое выступление и была благосклонна...

С детства родители по возможности водили меня в Большой театр, но я как-то не попадала на Уланову. И, к сожалению, лишь однажды видела ее на сцене. Она всегда с печалью об этом говорила. Много лет назад я написала о Майе Михайловне Плисецкой, Галина Сергеевна, улыбаясь иронично, заметила: «Я прочитала ваши слова четыре раза, но ничего не поняла. Жаль, что обо мне так никто не напишет».

Галина Сергеевна — это, несо-

мненно, невосполнимая утрата, но утешение в том, что она человек совершенно сбывшийся, полностью воплотивший свой редкостный дар. Ее грация, изящество походки, движений, рук — безусловно, это было при ней, и эту прелесть и стать можно считать человеческим даром. Он был рано замечен ею самой и, к счастью, полностью реализовался.

Она была человеком, как мне казалось, весьма затаенным и сдержанным, не слишком приспособленным для резких жестов и беззащитным перед любой развязностью и настойчивостью. Поэтому мне бы не хотелось говорить лишние слова, которые могли бы ее чем-то потревожить или задеть. Я не хочу преувеличивать свои возможности рассуждать о ней, боюсь впасть в фамильярность.

Владимир
ВАСИЛЬЕВ:

При всем своем величии, при значимости своего имени в мировой культурной жизни Галина Сергеевна была поразительным

явлением: она была очень скромной. Ее мучило в последнее время то, что она не может придти в Большой театр. За несколько дней до ее смерти у нас с ней состоялся разговор. «Мне очень неловко, — сказала она, — что я получаю зарплату и не могу здесь находиться». Мне пришла идея сделать ее консультантом — и она чрезвычайно обрадовалась. А ведь то, что она дала театру, всем нам, никак не может окупиться...

Галина Сергеевна — пример чистоты и порядочности в отношении к своей профессии. Ее многие считали совестью русского балета. В отношении ее к своему делу было нечто такое, что, когда мы работали с ней, никому из нас не приходило в голову сказать ей большое или танцевать не в полную силу.

Она была немногословна, никогда не влезала в интриги, вообще старалась обходить стороной какую-либо общественную жизнь, терпеть не могла подписывать какие-либо документы. Разные люди есть на земле: некоторые пытаются обмануть необъятное, занимаются многими делами, а Галина Серге-

евна была уникальным человеком — только профессия, только театр.

Мы познакомились, когда я был еще учеником. Галина Сергеевна уже тогда была легендой — она принимала выпускной экзамен. А наша дружба началась в 1949 году, когда свою первую классическую роль я станцевал с Галиной Сергеевной, — это была «Шопениана». Кстати, разницу в возрасте я никогда не ощущал. Ну и, естественно, когда Галина Сергеевна начала готовить Жизель с Екатериной Максимовой, приходила на репетиции, я тоже соприкасался с ней. Мы с Максимовой — молодые юноша и девушка — обрели друга, с которым можно было говорить на равных. Конечно, было к ней большое уважение, но были и споры в репетиционных залах...

Наверняка найдутся люди, которые будут искать в жизни Улановой что-то для газетных «откровений», даже для измышлений. Хочу напомнить, что она бы очень не хотела этого. Для огромного количества людей Галина Сергеевна осталась боттичеллиевской малочелюстной, она сохранила этот облик до

старости, и я уверен, что именно такой образ сохранится в памяти у всех нас.

С Большим театром ее сроднила долгая жизнь, и, как ни странно, жизнь все-таки тяжелая. С годами становилось все меньше учеников, а те, что были, может быть, не всегда отвечали ее стремлению отдать им свое сердце... После реконструкции Большого театра в нем обязательно будет зал имени Улановой, обязательно будет фонд имени этой великой балерины.

Сама она хотела, чтобы ее похоронили на старом Новодевичьем кладбище. Она не делала специальных распоряжений, но как-то сказала мне, что хотела бы лежать там.

Вера
КРАСОПСКАЯ:

Помню ее отца Сергея Николаевича — это был элегантный, уже седой человек. Танцевал, потом служил в театре помощником режиссера. Мать, Мария Федоровна Романова, учила младших девочек.

Галина всегда считала себя ее ученицей в большей степени, чем ученицей Вагановой. Я тоже училась у Марии Федоровны. Она была добрая, уютная, сердечная. В ее классе было легко и просто. Перед поступлением в школу Мария Федоровна повела Галину в церковь помолиться, чтобы ее приняли и чтобы она успешно училась.

Уланова была тогда неразлучна с Вечесловой — их считали будущими звездами. Вечеслова имела в школе большой успех — веселая, проказливая, а Галина успеха сторонилась — замкнутая, сосредоточенная на какой-то любимой мысли. По-настоящему ее открыли на выпуск. Она танцевала со своим постоянным партнером Борисом Обуховым «Сельской вальс» Шопена — и совершенно потрясла всех. Она была особенно хороша до того момента, пока не стала выходить замуж за режиссера, которые начали учить ее «играть»: до этого она была только Музой танца, танцевала, как дышала.

1934 год стал для нее особенно урожайным: новое «Лебединое» в постановке Вагановой, «Бахчисарайский фонтан». Тогда же опре-

делилось и партнерство с Константином Сергеевым — идеальное. Ее Мария в «Бахчисарайском» пленительна: естественность, простота и невероятная изысканность. Уланова была кладом для драмбалетных хореографов — она умела вложить душу в любую пантомимную речь, наполнить ее смыслом, который трудно было и предположить.

О ней хочется говорить высокими словами: высокая поэзия танца, магия танца... Конечно, Уланова — символ уходящей эпохи, символ не просто русского балета, а советского русского искусства. Все свойства ее природы очень прилипли ко времени. Она несла забвение и покой, хоть на миг вводила от ужасной жизни, которой тогда жили люди. Принято рассказывать, что у многих бойцов на фронте были ее фотографии. Это правда.

В балете рождаются свои боги. Таким божеством, легендой для многих поколений была Анна Павлова. И Уланова тоже. Больше никто.

Санкт-Петербург